

Вера Прокопчук
ДЕТЕКТИВ
В ЭЛЕГАНТНОЙ ПИЖАМЕ

Вера Прокопчук

Детектив в элегантной пижаме

<https://litres.ru/73829937>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Князь Ардальон Вельяминов думал, что худшее в его жизни — лунатизм. Но всё меняется, когда в ярких снах, вызванных чаем знахарки Агафьи, он превращается в летучего лисёнка — и видит убийство. Хуже того: полиция обвиняет в преступлении его любимую женщину. Теперь у него один путь: раскрыть правду, пока её не осудили. Но что, если ключ к разгадке спрятан где-то между реальностью и сновидениями? Как это сделать, если единственное свидетельство преступления пришло к нему во сне?»

Содержание

Аполлинария	4
Ардальон	11
Аполлинария	21
Ардальон	26
Аполлинария	35
Ардальон	41
Аполлинария	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Детектив в элегантной пижаме

Аполлинария

*«Прекрасным майским утром стройная амазонка
на великолепном гнедом скакуне
неслась среди цветов по аллеям Булонского леса...».*

А.Камю

Тот летний вечер, когда я решилась убить мужа, был действительно прекрасен.

Он медленно опускался на землю, окутывая все вокруг мягкой, золотистой дымкой. Солнце уже коснулось горизонта; его последние лучи скользили по верхушкам деревьев, зажигая их кроны теплым сиянием.

Но мне было не до красот природы.

Облаченная в малиновую амазонку, я неслась на вороном коне во весь опор. Белоснежная вуаль на моем черном шелковом цилиндре, как ей и полагается, развевалась на ветру.

- Только бы до добраться до него, а там я его убью! – шептала я сквозь стиснутые зубы.

Способ убийства я еще не придумала. Стремительный галоп мешает размышлениям такого сорта. Но решила действовать по обстоятельствам. Мне было все равно, лишь бы

истребить мерзавца максимально кровавым способом.

Вы скажете, что это неосмотрительно. После такого следует поимка жены, сидящей верхом, с топором в руках, на окровавленном трупe мужа или с пистолетом или с охотничьим ружьем или с чем там, ах, да, кинжалом, это романтичнее и ее отправляют на каторгу, ведь так? Поэтому истреблять мужа куда благоразумнее будет каким-то другим способом, ядом или как еще.

Но в этом не было бы никакого удовлетворения! Мне хотелось истребить этого подлеца, разорвав его в клочки, с той минуты, как я закончила разговор с г-ном Городецким, начатый на очаровательной конной прогулке, на которую мы выехали все компанией – все, кто на тот момент гостил в усадьбе госпожи Артюховой.

Начался этот разговор вполне мирно:

- Уже два года прошли, как мы расстались - произнес он томно.

К тому времени – мы уже спешили, и вели лошадей под уздцы. Природа, готовясь ко сну, дышала покоем - и оттого мой гнев, вспыхнувший после слов собеседника, ощущался еще острее.

- Не «мы расстались», а вы сбежали, - жестко ответила я. – Причем сбежали самым недостойным образом. Разве ваша мамочка вам не объяснила, что ухаживания за девушкой – это своего рода обряд, который каждая девушка понимает как обещание жениться? Зачем давать ложные надежды? Вы

не думаете, что это кому-то может разбить сердце?

Он побледнел; на его лице появилось оскорбленное выражение.

- И это мне говорите вы? Вы?! Это я должен упрекнуть вас в том, что вы дали мне ложные надежды. Когда я ухаживал за вами, вы имели бурный роман с женатым мужчиной, так? И зачем вы давали ложные надежды мне?

- О чем вы говорите?! – изумилась я.

Он важно задрал нос и попытался отвернуться.

- Ну уж нет, сударь! – возмутилась я. – Вы бросаете мне в лицо какие-то лживые обвинения, какие-то намеки, так будьте любезны объясниться!

И он объяснился.

По его словам, он был решительно настроен на наш брачный союз, когда случился общественный скандал. Некая мадам Мацкевич, склонная к тому, чтобы, в нарушение всех мыслимых правил приличия, жаловаться на свою личную жизнь всем, кто не успел убежать, сообщила, строго по секрету, всем по очереди (рыдая и умоляя о конфиденциальности), что у ее мужа и меня, якобы, тайный роман. Приличному обществу в доказательство были предъявлены письма, написанные якобы мной. Приличное общество, вечно жаждущее чужих секретов сильнее, чем кот – сметаны, эти письма прочитало, обсудило, обсмаковало.

Среди прочитавших оказались: матушка жениха, три тётушки, четыре двоюродные кузины, три троюродные кузи-

ны и неопределённое количество дядюшек. Особо отличился деверь — он даже составил конспект!

По словам Городецкого, почерк был несомненно мой. Он сравнил его с теми невинными записочками, что я ему писала, и убедился.

Я потрясенно молчала. Просто поверить не могла. Ибо я-то точно знала — я не имела никакого романа с мужем означенной дамы! Я с ним толком и знакома-то не была — так, видела пару раз!

Что же это за заговор? Интрига?

Я задохнулась и принялась соображать. Кому было выгодно устроить все это?

Я вспомнила вдруг, что не только г-н Городецкий, мой без пяти минут жених, исчез после всего этого. Исчезли и более робкие поклонники, которые были бы не прочь увести меня к алтарю, если бы Городецкий не занимал вокруг меня слишком много места — все они как один исчезли. То есть, цель мошенника была — отогнать от меня всех поклонников?

И именно в это время пожилой г-н Уваров, старинный папенькин приятель, пользуясь тем, что все кандидаты в мои женихи исчезли с горизонта, посватался и получил согласие моего отца!

- То есть... то есть, меня оклеветали... Кто-то подделал почерк! Но откуда...

- Что откуда? — переспросил Городецкий, наблюдавший за моей моральной агонией с интересом ребенка, наблюда-

ющим за веселым аттракционом.

- Откуда этот негодяй, кто бы он ни был, мог взять образец моего почерка?!

Я лихорадочно перебирала в памяти все варианты. Дневник я не вела, школьные тетради давно сожгла, письма тётушке вряд ли кто-то перехватил... Стоп.

Неожиданно я вспомнила...

- Я вспомнила! По просьбе папеньки я как-то написала записку моему мужу... то есть тогда еще не мужу, а просто господину Уварову, что папенька болен и не может присутствовать на каком-то званом вечере... Больше никто не мог видеть моего почерка – никто из чужих людей!

- Вы хотите сказать, что Уваров сам испортил вашу репутацию, чтобы жениться на вас? – удивился Городецкий.

- Я убью его! – прошипела я, и, обращаясь к Городецкому, рывкнула:

- Какая дорога ведет в город?

- Э-э-э... вот эта.

- Эта?!

И, вскочив в седло, я пустила лошадь с места в галоп.

Ровно десять верст пролетела я на вороном коне по бездорожью Российской империи) обдумывая способы убийства, или, на худой конец – развода.

В самом крайнем случае – хорошего, сочного семейного скандала.

Только бы не...

(Стук копыт. Стук копыт. Стук копыт.)

Только бы он не сбил мне настрой, как в прошлый раз! В прошлый раз мне отвести душу не удалось, ибо с самого начала все пошло не так.

В тот раз я, ворвавшись в кабинет, с намерением рвать и метать, уж не помню по какому поводу, в изумлении замерла на пороге. Муж мой, этот коварный злодей, сидел за столом и ... мирно вязал носок! Вязал! С клубком шерсти и спицами.

- Ты... ты что делаешь? – выдохнула я, сбита с толку.

- А, Поляночка, вернулась? – он поднял глаза, ничуть не смутившись. – Да вот, решил освоить новое ремесло. Говорят, успокаивает нервы. Хочешь, и тебе спицы дам?

Я схватилась за голову. Все приготовленные речи рассыпались в прах. Как орать на человека, который вяжет носок?!

- Я... я убью тебя! – попыталась я вернуть боевой настрой.

- Опять? – удивился он. – Дорогая, мы уже проходили это месяц назад, когда ты грозила закопать меня в саду...

- Не закопать в саду, а утопить в пруду, - уточнила я.

- Неважно, - он махнул рукой, - давай, голубка, без крайностей, а? У нас сегодня на ужин осетрина под соусом беарнез, я специально заказывал.

Я открыла рот, чтобы выдать заготовленную речь, но нос мой уловил аромат осетрины, а желудок предательски заурчал.

- Ладно, - буркнула я. – Но это не значит, что я передумала. Просто сначала ужин. Потом скандал. Потом развод.

Потом убийство. Все по порядку.

- Договорились, - отвечал он кротко, - тебе к осетрине Шардоне или Совиньон?

И что вы думаете? После осетрины и трех бокалов Совиньон Блан меня разморило так, что я позволила мужу отнести меня на руках в кровать. И все кончилось бурным мирением в постели! Мне даже понравилось.

Но на этот раз все будет иначе!

Увы – я еще не знала, насколько я права, и насколько все будет иначе...

Ардальон

Когда луна сверкнёт во мгле ночной

Своим серпом, блистательным и нежным,

Моя душа стремится в мир иной,

Пленясь всем далёким, всем безбрежным.

К. Бальмонт

В свою защиту могу сказать только то, что луна была полной, а меня оставили без присмотра.

Вообще-то до недавних пор я, князь Ардальон Вельяминов, считал себя обычным лунатиком – тем самым ночным бедолагой-скитальцем, что блуждает по крышам и обнимается с флюгерами – а наутро не помнит решительно ничего. Например, почему в руках у меня чужой зонтик, в волосах птичий помет и пучки голубиных перьев – и, наконец, что я, черт возьми, делаю на этой церковной колокольне?!

Поэтому спать я ложился не иначе, как в элегантной шелковой пижаме. Все мои пижамы, к слову, были сшиты на заказ у лучшего портного. С изысканным орнаментом, атласными воротниками, классического покроя, они выглядели

как картинка с обложки модного журнала.

Сам процесс подготовки ко сну давно уже стал для меня чем-то особенным, почти церемониальным – потому что, согласитесь, даже пребывая в царстве Морфея, надо поддерживать репутацию. Я же князь все-таки. Представьте: будут меня спасать с какого-нибудь исторического шпиля, на который я невесть как залез – а я растрепанный, помятый и в кальсонах. Или – вовсе без оных, что еще хуже. Совершенно не комильфо.

Одному Богу известно, почему нашему семейству так не повезло, и единственный наследник нашего славного рода – то есть я – оказался болен этой странной болезнью. Но скрывать от общества это становилось все сложнее.

Отчасти меня спасали занятия спортом. О да, в девятнадцатом веке среди аристократов были весьма популярны гимнастика и атлетика. В Петербурге, будучи студентом университета, я даже посещал атлетический кружок Краевского – поднимал гири, делал сальто и даже немного занимался борьбой – и как знать, возможно, спортивные навыки помогали мне до сих пор не сорваться с очередного карниза.

Врачи признали свое бессилие. Народные целители, маги, и прочие шарлатаны только утомляли меня своими нелепыми обрядами, но помочь не могли ничем. Тем не менее, сегодня вечером мне опять принесли целебный чай от какой-то очередной ведуньи, и приказали выпить.

- Вы уверены, что это не отрава? – вяло сопротивлялся я,

с отвращением глядя на большую чашку тончайшего китайского фарфора.

- Мы уже давали чай Севастьяну, он выпил и чувствует себя превосходно, - холодно отвечал наш семейный лекарь.

Бедный Севастьян. Его участи не позавидуешь, хотя все слуги в особняке думали иначе. Они считали его бездельником - ибо вся его работа состояла в дегустации еды, напитков и лекарств. До сих пор ему везло – но кто знает, когда его везение закончится?

- А может, это яд замедленного действия? – уточнил я, - а Севастьян возьмет да и помрет через неделю... и я за ним следом...

- Мы давали ему это питье две недели назад, Ардальон Борисович. За это время яд бы уже подействовал, - возразил лекарь. - Пейте.

Я пригубил. Хм! Напиток, к моему изумлению, оказался не просто приемлемым, а на редкость вкусным. Пахло лепестками шиповника, листочками дикой земляники и малины, и какими-то южными фруктами. Я не без удовольствия допил этот цветочный чай, отдал чашку, и, прислушиваясь к удаляющимся шагам лекаря, закрыл глаза.

Приближалась ночь, и я, причесавшись, как на бал, и уложив волосы с помощью бриолина, торопливо юркнул под одеяло, в надежде, что все обойдется. Но увы.

Полная луна светила в окно и манила, как манит к себе возлюбленная, обещающая самые безумные ласки, которые

только может подсказать фантазия. От желания окунуться в этот лунный свет саднило в груди и сводило скулы. Меж тем, лунный свет прорисовал от моего окна до ночного светила широкую дорогу, вымощенную перламутровой тротуарной плиточкой, и обсаженную по краям пышными туберозами. И, повинувшись этому зову, я прошептал: «О, луна, возлюбленная моя, иду к тебе!», затем вскочил на подоконник и шагнул вперед...

Почему я лечу?! Гениальный вопрос, особенно когда ответ очевиден: потому что падаешь, дружище. И не красиво так, по траектории к луне, а банальным образом – вниз... Земля приближалась с пугающей скоростью.

Затем раздалось звонкое «Плюх!»

Холод. Темнота. Вода заполнила уши, рот, нос. Сердце колотилось где-то в горле. Где свет? Где воздух?

Так мы не договаривались. Я шел к луне, я жаждал испытать лунного света, а не вот это все. Из всех сил я греб, стараясь выбраться из воды, и, наконец, мне удалось глотнуть воздуха, а затем я подплыл к какой-то жестяной кромке этого водоема. Я протянул руки, чтобы зацепиться за эту кромку и выбраться, и тут...

Вместо рук я увидел какие-то странные крошечные лапки, покрытые слипшейся мокрой шерстью. В отчаянии я попытался крикнуть «Помогите!», но из горла вырвался противный пронзительный писк. И тут до меня дошло, что водоем, в котором я оказался – не что иное, чем старая жестя-

ная бочка для дождевой воды...

Но почему она такая большая?! Или это я такой маленький...

Впрочем, размышлять было некогда. Надо было выбираться. Я подтянулся на лапках, и неожиданно ощутил, что за моей спиной, высунувшись из воды, затрепыхались крылышки, а затем они развернулись, и я полетел...

Туда, ввысь, к луне. Я уже не понимал ничего, но я летел, летел, упиваясь свежестью ночного воздуха, свободой полета...

Луна приближалась. Это, как выяснилось, был круглый, плоский, светящийся диск. От него исходил аромат весенней свежести – то ли первоцвета, то ли цветущей ивы. Я рванулся вперед – и врезался в него с размаху.

«Мамочки! Вот это катастрофа!» – успел подумать я...

И полетел вниз.

Кувыркаясь, бессильно трепыхая крылышками, я падал вниз, все падал и падал – и, наконец, я шмякнулся на ветки дерева – а они, спружинив, позволили мне соскользнуть куда-то вбок. Словно по мановению волшебной палочки, я влетел в распахнутое окно таинственного частного дома и бесшумно упал на бархатные подушки – будто сама судьба приготовила мне это мягкое приземление на диване, стоявшем возле окна.

И – о Боже! – увидел нечто совершенно ужасное.

А именно – человека, лежащего посреди комнаты в луже

крови. А еще – фигуру, окутанную черным плащом, которая, стоя над поверженным, издала то ли злобный смешок, то ли еще какой-то звук. Затем – в полутьме я не разглядел – но она, эта фигура, непонятным образом заставила тяжелый книжный шкаф бесшумно отъехать в сторону, раскрыв моему взору зияющую черную нишу.

Меня убийца не заметил. Да и трудно заметить крошечное существо, утопающее в подушках, которые, к тому же, приглушили звук моего падения.

Комната была освещена только большой лампой с зеленым абажуром. В отчаянии я уставился на негодея, надеясь разглядеть хотя бы его лицо, или какую иную примету – но лицо его было скрыто низко надвинутым капюшоном. В следующий миг он исчез в нише; шкаф плавно встал на свое место, словно ехал по хорошо смазанным рельсам.

Наступила тишина. Мне было страшно. Большие напольные часы в углу комнаты зловеще захрипели и принялись звонить...

Я, крошечное летучее нечто, бессильно трепыхал крыльшками на бархате подушек, и понимал, что нервное потрясение мое слишком ужасно, чтобы броситься отсюда наутек – у меня просто не было сил ни на что...

И в это самое время стук дамских каблучков разорвал тишину быстрой дробью. Женщина быстро шла по коридору, и, судя по тому, что стук становился все громче, приближалась к комнате .

Затем входная дверь распахнулась от яростного рывка, и очаровательная юная дама, облаченная в бархатную малиновую амазонку, влетела в комнату с криком:

- Я требую развод! Немедленно! Я тре...

Она осеклась. Медленно, словно не веря себе, приблизилась к лежащему посреди ковра мужчине, ахнула – точнее, как-то со всхлипом втянула воздух; упала на колени перед телом мужчины, принялась тормошить его, звать, перепачкалась в крови – а затем с криком «Помогите» вскочила, кинулась к двери, на бегу ударилась об косяк, выскочила в коридор, и тут...

Я вдруг почувствовал, что расту. Мои крошечные мохнатые лапки стремительно превращались во вполне человеческие руки, исчезли крылышки, и за несколько секунд я, из непонятого существа размером с кошку, вдруг превратился в самого себя...

По коридору неслись люди: шум и голоса стремительно приближались. О Боже, сейчас они ворвутся сюда! Я задохнулся от ужаса. Они же решат, что я - убийца... Этот труп, и я – как я оправдаюсь?! Или прикажете рассказать им, что я, по сути своей летучий зверек непонятной породы, влетел в окно, и вот – оказался там, где не надо?

Едва ли они мне поверят! Я уже представил себя в тюрьме, и мне это не понравилось.

Я кинулся к открытому окну. Ветка, толстая ветка! – по ней я доберусь до ствола, спущусь вниз, а уж там как-нибудь.

Я вцепился в ветку - и тотчас она, издав дьявольский хруст, обломилась. Я полетел вниз, в какую-то бездну.

Неужели это конец? Сейчас я разобьюсь! Аааааа!

И в ту секунду, когда тело мое уже готовилось поймать жестокий удар земли – я проснулся.

Сон разорвался в клочья, и я вывалился из него, задыхаясь и обливаясь потом. С трудом переводя дыхание, я сидел на кровати, осознавая, что все это было только сном – пусть невероятно ярким, объемным, но все же сном...

Вот моя комната. Вот привычные вещи, кресло, ковер на полу. Я дома. Уффф.

Я откинулся на подушки и прикрыл глаза. Пред моим мысленным взором снова возникла прехорошенькая дама в малиновой амазонке. И я признался себе, что желал бы отыскать в реальном мире девушку столь же чарующую, как та, чей облик ночь соткала в моих грезах.

Луны на небе уже не было. Сквозь неплотно задернутые шторы пробивались первые лучи солнца, уже позолотившие городские крыши.

- Доброго утречка вам, барин, - раздался такой привычный, такой родной голос моего лакея Гаврилы.

- Кофе? Дай сюда, - прошелестел я.

Кофе! Это было как блаженное возвращение к реальности, ибо я все еще до конца не отошел от своих ночных приключений. Я с наслаждением отпил несколько глотков боже-

ственного напитка, и зажмурился от удовольствия. Как же хорошо просыпаться дома в своей кровати!

День прошел вполне спокойно, даже безмятежно. Похоже, цветочный чай и впрямь помогает! Согласитесь - уж лучше видеть всякие приключения во сне и просыпаться в собственной постели - чем шататься по крышам наяву, с риском однажды свалиться с карниза и свернуть себе шею! Или того хуже! – попасть в газеты и стать всеобщим посмешищем. Я представил заголовок «Князя Вельяминова снимают с крыши – зрелище не для слабонервных», и содрогнулся.

Мое воображение, не в меру бурное, тут же дорисовало мне дополнительные варианты: «Князь изучает архитектуру с необычного ракурса», «Вельяминов открывает школу экстремального скалолазания для аристократов», и, наконец, самое страшное – «Князь с криком «Я орел!» пытался взлететь, но был пойман. Орнитологи пока воздерживаются от комментариев».

Кстати, о газетах. Их доставили с вечерней почтой. Развернул я газету лениво – опять, думал, пишут про урожай овса, или про открытие новой богадельни...

И тут – о чудо! - я на развороте увидел фото, на котором – сомнения не было! – запечатлена была моя прекрасная ночная амазонка. Пробежав глазами заголовок – обомлел: эту даму – Аполлиналию Львовну Уварову - обвиняют в убийстве собственного мужа...

«Но как?!» – я едва не уронил газету в камин. Это же был

сон - всего-навсего мой сон...

Вслед за изумлением я на меня снизошла кипящая радость, и душа воспрянула: значит, она реальна! Не плод моего воображения, а живая женщина, из плоти и крови! А раз так, я могу ее найти! Увидеть наяву! И – смею ли я надеяться – даже объясниться в чувствах...

И – беспокойство: а вдруг они и впрямь добьются ее осуждения? Как? Эту прелестную малютку - в тюрьму, да еще за преступление, коего она не совершала?!

Я снова вспомнил события этого сна... Вот раскрывается дверь, вот в комнату врывается Аполлинария. Прелестное личико, на котором написана ярость... Крик «Я требую развода!».

Но помилуйте...

Она что – забыла, где мы живем? Российская империя, господа. Тут развод получить – это вам не в парке погулять. Синод, суды, справки, бумажки... Годы ожидания... Да за это время ты сам забудешь, зачем разводиться хотел!

О, наивная душа! Как она могла так легкомысленно требовать развода, будто в кондитерском магазине: «Мне развод, два пирожных, чашку чая, и сдачи не надо!»

О чем она думала, требуя развода столь легкомысленно?

Аполлинария

Никто не ждал моего возвращения, тем более – поздним вечером. Всем было объявлено, что я отправляюсь отдохнуть в загородном доме дворянки Артюховой на четыре дня – и вот, я влетаю во двор нашего особняка на взмыленной лошади, хотя и суток не прошло!

- Никак случилось что-то, Аполлинария Львовна? – подобострастно осведомился лакей-привратник.

- Я убью его! – рывкнула я в бешенстве, швырнув на руки лакея свой атласный плащ.

И бегом понеслась вверх по лестнице - одной из двух, полукруглых лестниц, изящно огибающих холл. На бегу я уже репетировала все, что я ему выскажу, выскажу! Я ворвалась в кабинет, а дальше...

Дальше все было ужасно. Он лежал на полу в луже крови. Моя злость куда-то совершенно испарилась; колени подкосились... Я вдруг вспомнила, что он был заботливым и добрым мужем все это время - все эти полтора года, что прошли со дня нашей свадьбы. Как это могло сочетаться с таким жестоким обманом, который я нафантазировала? С таким коварством... Нет! Это был кто угодно, только не он!

Абсолютно точная убежденность, что это не он, охватила меня ясным пониманием за долю секунды. Ужас от собствен-

ной неблагодарности и горькое раскаяние охватили меня.

А потом уж я трясла его, звала, в тщетной надежде, что может быть, он еще жив...

Но он был мертв, и все было плохо. Прибыли врач и полиция. Первый констатировал смерть. Вторая, в лице судебного следователя Меркулова – пожилого господина с пышными усами – задавала мне какие-то вопросы, а мне больше всего хотелось лечь, закрыть глаза, и чтобы перестало так противно ныть в левой стороне груди.

- Но вы же сами понимаете, что кроме вас, этого не мог сделать никто, - заявил Меркулов. – Кроме того, ваш лакей показал, что вы крикнули «Я его убью!» - когда вбежали в дом.

- А что, в вашей практике убийцы всегда заранее сообщают о своих намерениях? – вяло осведомилась я, - мне кажется, наоборот, это говорит о том, что я убивать его не собиралась, а выразилась метафорически...

- Метафорически? – переспросил он грозно.

- Ну да, я хотела закатить ему семейный скандал...

- Из-за чего?

- Ах, это уже не имеет значения.

- Позвольте мне судить, что имеет значение, а что нет.

- Потому что мне сказали про мужа такое, - тут я, рыдая, зарылась носом в платочек, - И я, вообразите, поверила, а сейчас, я понимаю, что это была просто клевета, и он не мог... Но тогда я хотела спросить его, как он мог, а теперь

понимаю, что он не мог, я очень раскаиваюсь, и не могу понять, как я могла...

Я горестно шмыгнула носом.

- Он мог, он не мог, вы могли, - следовательно раздраженно мотнул головой. - То есть, вы признаетесь, что вы его убили?

Мои слезы тотчас высохли.

- С чего вы взяли? Ничего я не признаюсь - я его не убивала.

- А в чем вы раскаиваетесь?

- В том, что плохо о нем думала, и поверила сплетне... Но я не убивала!

- Но слуги говорят, что он был жив за десять минут до вашего прихода – камердинер принес ему кофе. А потом в его кабинет никто не входил, и никто не выходил... Вы же видите, что его кабинет находится в конце коридора, и пройти в него можно только с одной стороны?

- Окно было открыто, - заметила я. – Мог же убийца войти и выйти через окно?

- И как он сюда влез? – осведомился он иронически. – Тут очень высоко, вы заметили?

Я подошла к окну и высунулась внутрь.

- Тут очень широкий карниз, так что... ой! Посмотрите-ка! Вот, видите?!

Следовательно лениво приблизился к окну.

- И что?

- Как – что?! Ветка! Вот эта, толстая, на дереве у окна...

Она обломана. Видите, свежая древесина на месте слома? Ее обломали не далее, как несколько часов назад!

Меркулов задумчиво уставился на ветку, которая теперь крепилась к стволу только узенькой полоской коры, и некрасиво свисала вниз.

- Эта ветка шла от ствола сюда, к дому, и упиралась в самую стену под окном, я точно помню! – продолжала я. – Кто ее мог так сломать, если не тот, кто вылезал из окна?!

- Если этот тип полез по ветке, а она обломилась и упала, - выговорил он медленно, - он должен был, при такой высоте, разбиться насмерть – ну и где труп?

- Варианта два, - отвечала я невозмутимо, - либо у него был сообщник, который этот самый труп унес... либо, этот человек обладает ловкостью акробата, и когда ветка обломилась – она же не обломилась совсем, как видите? – она падала по направлению к стволу, и он перескочил на ствол, а оттуда уже по стволу...

- Спустился вниз, - продолжил Меркулов мою фразу. И задумался.

- Послушайте, - сказала я нервно, - попытайтесь понять, что мне не было никакой выгоды в смерти моего мужа. Он был фабрикант - сахарозаводчик. Я жила в полном довольстве, он мне не отказывал ни в чем. У него был золотой характер... А теперь... Я ничего не смыслю в делах, меня, скорее всего, ждет разорение – подумайте, зачем мне убивать своего покровителя?

Я смотрела на него в упор, и ждала его решения. Он молчал.

- Я мог бы и в камеру вас препроводить, - наконец, молвил он с мрачным видом, - но, учитывая ваше дворянское происхождение, предпочитаю избежать лишних осложнений. К тому же, эта обломанная ветка заставила меня усомниться. Посидите пока под домашним арестом, а там посмотрим...

- И вы, разумеется, поставите жандарма у дверей моего дома? – спросила я нарочито дерзко, чтобы скрыть дрожь в голосе.

- А вы, мадам, на удивление догадливы, - бросил он едким тоном, и, поклонившись с холодной учтивостью, покинул комнату.

Ардальон

Весь вечер я провел в муках поистине шекспировских. Душа рвалась бежать куда-то, чтобы спасти несчастную, несправедливо обвиненную Аполлинарию (в душе я уже нежно называл ее Поленькой, причем *моей* Поленькой). Я был готов мчаться сквозь ночь, переплывать реки, перепрыгивать заборы. Но выглянув в окно, я поежился. Ночь была поздняя, на улице шел дождик, а я был в халате и тапочках. Так что пришлось ограничиться цветочным чаем и подготовкой ко сну.

Ко сну я, на всякий случай, подготовился с тщательностью полководца перед битвой: выбрал новую атласную пижаму (фасон разработал мною лично, портной плакал от восторга), обрызгал себя парижскими духами из хрустальной склянки и лег в постель.

Но зря я так старался, словно собираясь на любовное свидание. За окном тихо шуршал дождь, а небо было закрыто тучами, и луны не было. Так что я мирно проспал ночь до самого утра безо всяких сновидений.

Утром я взял извозчика и отправился по адресу, упомянутому в газетах.

Особняк господина Уварова оказался весьма респектабельным и даже роскошным – мраморные колонны, кованые

ворота, фонтан с купидоном – даже голуби на крыше маленького круглого бельведера выглядели аристократично.

Одна беда: вокруг него кипела толпа. Зеваки толкались, обмениваясь предположениями – одно другого абсурднее, словно соревновались, кто выдумает версию похлеще.

Громче всех орал мальчишка – этакий юный энтузиаст в кепке, натянутой до ушей, так, что из-под нее торчали только веснушки да кончик носа. Он вопил:

- Да она его из-за кота! Он ей кота не разрешал на диван пускать, прикиньте? А кот был не простой, он переписывался с марсианами, и был их агентом! Кот на нее воздействовал лучами, и она мужа – того! – и он победоносно оглядывал толпу. – Я вчера в журнале рассказ про марсиан прочитал! Они такие зеленые с хоботом, и у них там на Марсе все коты – шпионы!

- Вот же врет, - прошептал со снисходительным смешком зевака в потрепанном котелке, - я точно слышал: этот покойный господин открыл рецепт абсолютного топлива! И нефтяные короли его - устранили!

— Он же сахарозаводчик, вроде, — возразил я с недоумением, — при чём тут топливо?

Но мой собеседник меня перебил, возмущённо всплеснув руками:

- Вот именно! Абсолютное топливо из сахарной свеклы! Это же - революция в энергетике! Бензин из бураков! А нефтяные короли его убили и подставили его жену!

Старушка с зонтиком, похожая на гриб с кружевной шляпкой, таинственно вещала:

- Колдовала она над супом! Все слуги знают! Муж застучал – она его заклинанием и – фьють! – старушка вделала жест, будто сдувает пылинку.

А важный господин в цилиндре, поправляя пикейный жилет с видом вселенской скорби, изрек:

- Масоны. Их тайная длань дотянулась и сюда!

- А точно ли масоны? – не удержался я, - вы уверены?

Он пожал плечами и отвечал задумчиво:

- А может, и иллюминаты. Я их вечно путаю...

- Ясно, - ответил я и попытался пробиться сквозь толпу ко входу. Мне очень хотелось потолковать с хозяйкой дома, но увы! – у дверей торчал жандарм.

На всякий случай, я приблизился и попытался наладить контакт:

- Господин вахмистр, мне бы хотелось поговорить с хозяйкой этого дома.

- За какой надобностью? – спросил он, насупясь.

- По личному делу.

Он смерил меня презрительным взглядом.

- Не положено. Барыня под домашним арестом.

- Позвольте обратить ваше внимание, - произнес я с видом профессора юриспруденции, - что в сводах российских законов отсутствует четкая регламентация домашнего ареста. И нигде, слышите, нигде не прописано, что арестант не имеет

права принимать гостей! А раз не написано, что нельзя - то значит, что очень даже можно! Может, это даже поощряется!

Жандарм уставился на меня, медленно краснея, как помидор под июльским солнцем. Видимо, мой юридический монолог прозвучал для него, как заклинание на древнекитайском; он счел это издевательством и рассвирепел, как носорог.

(Замечу в скобках, что воистину прав был лорд Честерфильд, который дал совет «Будь умнее других людей, но никогда не давай им этого понять!». Я пренебрег этим советом, и вот он, печальный результат.).

- Начальством велено никого не пущать, - проворчал он злобно.

Я мысленно взвесил шансы: написать ли госпоже Уваровой письмо? Но его же вскроют, прочитают, обсудят за чаем, а потом еще прокомментируют на заседании жандармского клуба.

Тут я заметил, что жандарм мною заинтересовался. И пристально изучает мою внешность. Внутренний голос прошептал: «Беги!». Я решил с ним не спорить и ретировался очень быстро.

«Что делать, что делать?» - бормотал я мысленно по дороге домой.

Я понимал: для того, чтобы снять с моей Поленьки все подозрения, я должен разобраться в происходящем, найти убийцу и передать его в руки правосудия. Ха! Легко сказать!

А как это сделать, если я лишен всякого доступа в дом, не имею возможности расспросить свидетелей, и даже не знаю, кто они, эти свидетели?

Опечаленный, я, по возвращении домой, сел за стол и накидал на листе бумаги список вопросов – прямо как великий сыщик, только без трубки и гениальности:

- Отчего Поленька была так сердита на мужа, что даже грозила ему разводом? Он носки разбрасывал, или не дай Бог, флиртовал с горничной?

- Кому была выгодна смерть Уварова? Может, тому, кто задолжал ему денег? Конкурентам? Наследникам?

- Откуда убийца знал про потайной ход?

Над последним вопросом я задумался особо. Потайной ход... знал ли о нем Уваров? Вряд ли – иначе поставил бы там капкан, или хотя бы замок повесил, дабы не позволить кому попало влезть в его кабинет. И знает ли об этом потайном ходе Поленька?

Затем я задумался: если Уваров об этом потайном ходе не знал... Стоп. Об этом ходе знал тот, кто строил дом. А кто его строил? Как давно Уваров владеет этим особняком? Может, об этом ходе знал прежний хозяин дома? А кто он?

- Ваше сиятельство, имею честь известить вас – кушанье подано. Не соблаговолите ли проследовать в столовую?
- услышал я голос старого лакея Гаврилы.

- А? – я словно проснулся, отрываясь от своих дум.

- Сударь, пора к обеду – все уже на столе, - повторил он.

Я кивнул, наспех переоделся к обеду, и спустился вниз. Папенька с маменькой уже сидели за столом.

- Опаздываете, сударь, - заметил папенька.

- Ты какой-то задумчивый, - заметила маменька.

- И о чем он так усиленно думает, хотел бы я знать, - возразил папенька иронически (с точки зрения папеньки, я вообще ни о чем думать не способен).

- Скажите, папенька, - отвечал я, принимая от лакея тарелку с консоме, - если я бы хотел получить сведения, кому в ретроспективе принадлежал какой-то дом в нашем городе – где я мог бы это узнать?

- Зачем? – мгновенно насторожился папенька, и я мысленно сосчитал до трех..

Вот оно. Знакомый сценарий, отработанный годами. Сначала – долгий многозначительный взгляд, способный заставить покраснеть даже мраморную статую. Затем – серия вопросов, призванных разоблачить мой «коварный замысел» (который, как правило, заключался в банальном любопытстве). И, наконец, кульминация: «Все это пустые фантазии! Лучше бы ты... э-э-э-... ну... в общем, займись чем-нибудь полезным!». После чего папенька удалялся, оставив меня в неведении относительно того, какое полезное дело он имел в виду.

А я тоже хорош. Зачем я с упорством курицы, долбящей в одну точку, задаю ему вопросы? Все жду, что он хоть раз мне ответит по-человечески? Сто раз уже мог понять, что

это зря.

К счастью, вмешалась маменька.

- В ипотечных или вотчинных книгах, мой ангел, - отвечала она. - Там фиксируются все сделки с недвижимостью, такие как купля-продажа, залог или аренда.

- А где их взять, эти книги?

- В архивах городских управ и финансовых учреждений.

- Туда еще попасть надо, - пробормотал я.

- А что тебя интересует? - уточнила она.

Я помолчал, собираясь с мыслями. Ответить я хотел небрежно, так, чтобы показаться лицом незаинтересованным.

- Ну, - начал я, стараясь выглядеть так, словно эта тема волнует меня меньше, чем прогноз погоды на Марсе, - я третьего дня прочитал про убийство некоего сахарозаводчика Уварова.

Папенька тут же наострил уши, как охотничий пес при звуке рога.

- ...А намерен, катаясь по городу, увидеть толпу перед неким особняком. Спросил извозчика - оказалось, дом покойного Уварова. Зеваки любопытствуют. И знаете, что странно? дом больше похож на особняк аристократа, чем на дом какого-то дельца. Вот и решил, что возможно...

- И ради такой ерунды ты готов лазить по архивам и пыль глотать? - осведомился папенька. Черт бы побрал его подозрительность.

- Тебе не придется лезть в архивы, милый, - снова разрядила обстановку маменька. – Я могу тебя прямо сейчас просветить – этот дом принадлежал графине Светозаровой.

Я нахмурился. Светозарова... погодите... В моей памяти всплыла пухленькая веселая дама лет сорока, которая как будто бывала у нас в гостях...

- А она нам не родственница?

- О, седьмая вода на киселе. Я ей троюродная племянница, а ты - уж и не знаю как сказать...

- И давно она продала дом?

- Года три назад.

- А зачем?

- Да решила перебраться куда-то в Крым, говорит, там климат уж больно хорош. Еще и виноград, мол, растет под самым окном.

- Хм! А дети у нее есть?

- Нет, она была замужем, но детей не было. Есть, кажется, какой-то племянник...

Я перевел разговор на погоду, потом на моду, потом и вообще замолчал, делая вид, что любуюсь люстрой. И лишь когда папенька покинул столовую, я промокнул губы салфеткой, и тихо спросил маменьку:

- Маман, а у вас нет адреса этой дамы? Мне очень хочется задать ей парочку вопросов...

- Ты, часом, в Крым не собрался? – уточнила маменька.

- Ну что вы. Только письмо, и только два вопросика...

Написавши письмо, я отправил его с лакеем на почту. Написание письма, хотя и коротенького, заняло, темнее менее, целую вечность. Ибо вопросы, который я собирался задать этой даме, были весьма щекотливыми. И я пытался сгладить углы и быть деликатным - вопреки неделикатности самой темы.

Во-первых, для какой цели ей служил тайный ход из кабинета? Я бы понял, если бы это была средневековая крепость и тайный лаз на случай вражеской осады – но зачем такое устраивать в частном особняке в центре города?

А во-вторых – кто из ее родственников или слуг мог знать об этом тайном ходе?

Я известил ее о трагической смерти Уварова, и о том, что его супруга, прелестная юная дама, ошибочно обвиняется в убийстве... И умолял снизойти к страданиям невинных. Оставалось объяснить, откуда я сам-то об этом – то есть, потайном ходе - узнал, но я решил сослаться на сплетни.

- Ваш лечебный чай, сударь, - это опять лекарство.

- Ах, да... давайте.

Я выпил цветочного чаю, привел себя в порядок и лег в постель, опасливо отметив, что на небе ясным золотым диском сверкает луна.

Аполлинария

Я даже не думала раньше, что я так сильно привязана к мужу.

Нет, влюблена я не была, я в этом почти уверена. Но он был необходимым элементом уюта и покоя в моей жизни. Можно было ребячиться, иногда дуться, даже скандалы время от времени закатывать, к чему он относился с неизменным юмором. Можно было обсудить с ним любую тему, он охотно отзывался на мою болтовню. Но самое главное – я знала, что вот он есть – и мне ничто, совершенно ничто плохое не грозит, ибо я под защитой сильного мужчины, которому никто не страшен.

Теперь защита рухнула, и оказалось, что - не был он ни сильным, ни непобедимым. Иначе бы его не убили. А я осталась вообще одна в опустевшем мире.

И началась бессонница.

Я лежала в пустой кровати и пыталась понять, отчего я чувствую себя такой виноватой. Ведь в его смерти нет никакой моей вины. И, слава Богу, я не успела высказать ему те злые гадкие слова, которые собиралась сказать. Да, я поверила – на целый час поверила! - в его виновность... потому что все улики указывали на него. Как все стрелки в полдень указывают на цифру «двенадцать»!

Ведь если бы не эти письма, я бы вышла замуж не за него, а за кого-то помоложе, благо желающих было – как в очереди за бесплатными пирожками!

Я допустила минутную слабость: поверила, что именно он эту ситуацию и создал.

А сейчас понимала: нет. Нет. Нравственная невозможность. Он был слишком порядочен...

А вдруг всю эту интригу с письмами спланировал кто-то другой, а Уваров просто... ну, случайно оказался в нужном месте в нужное время и, так сказать, изящно подхватил падающую даму? Нет, не «воспользовался» - неправильное слово, это грубо звучит! а просто... проявил джентльменское сострадание к девице с испорченной репутацией? Просто пожалел меня, несчастную, как котёнка под дождем?

При этой мысли у меня вообще случился поток слез. Я вспомнила, как на свадьбе, на которой я сидела злая и унылая, покойный папенька сказал, что теперь я, слава Богу, в надежных руках, и он может и умереть спокойно. Тогда я не оценила его слов, а теперь... Теперь, когда Уварова нет, и как жить дальше, вообще непонятно! – теперь я понимала, что я тогда приобрела и что теперь утратила. Друга.

Я повернулась на бок, свернулась клубком и, всхлипнув, попыталась уснуть.

Свечу гасить я не стала – при свете не так страшно в пустой комнате...

И, когда милосердный сон уже склонился к моему изго-

ловью, дабы накрыть меня одеялом забвения – я вдруг услышала шум. Шум был какой-то странный...

Шебуршала бумага. Причем не просто шебуршала, - казалось, кот дерет ее лапками.

Нюанс: кота в нашем доме не было.

Я замерла, в ужасе перекрестилась, затем боязливо выглянула из-за полога кровати. Ничего. Тишина. Почудилось? Или это эхо моих душевных терзаний?

Или это мышь? – но вроде, у нас не было мышей в доме.

Я снова откинулась на подушки и закрыла глаза.

Шебуршание началось по новой.

Я решительно встала, вооружилась домашней туфелькой и пошла на звук.

То, что было дальше, я просто не знаю, как описать, потому что все равно мне никто не поверит. Итак: в углу моей спальни располагался небольшой дамский секретер-бюро (изящные гнутые ножки, куча крохотных выдвижных ящичков, посередине венецианское зеркало) за которым я иногда писала письма. И тут дрожащее пламя свечи, которое дрожало так, словно боялось темноты больше меня, вдруг высветило - что вы думаете? - что на полированной столешнице, на куче бумаги восседает нечто...

Это было маленькое нелепое существо с крылышками.

Будто кто-то решил скрестить лисенка с летучей мышью, но переборщил в размер ушей. Ушки были пушистыми - как два мохнатых веера. Что это за существо, и что оно

тут делает – это был вопрос, достойный отдельной порции дамского визга.

Но не это было самым жутким! Самое жуткое было то, что оно, вооружившись пером и чернильницей, пыталось что-то написать на бумаге!!! Лапки скользили, чернила текли, перо брызгало, на бумаге появлялись каракули, которые напоминали шифр древних алхимиков – но «оно» жмурилось, сопело и снова писало.

Надо было срочно падать в обморок, но я смотрела на это чудо, как замороженная.

- Эй ты, брысь! – вскрикнула я обморочным голосом, и запустила в существо туфлей. И промазала.

Зверушонок флегматично покосился, проследил траекторию тапка, но даже не шелохнулся.

Видя провал военной стратегии, я перешла к дипломатии:

- Ты что там пишешь?!

На ответ я не рассчитывала. Вопрос был сугубо риторическим. Тем сильнее было мое удивление, когда существо ответило голосом, в котором звучала, представьте, ирония:

- Сочиняю трактат на тему «Как выжить в дамской спальне». Раздел «Тактика уклонения от тапков: теория и практика».

После чего, окончательно уверившись, что я сошла с ума на почве своей утраты, я решила, что обморок – единственный достойный выход из ситуации. Я картинно закатила глаза и стала оседать на пол.

И в ту минуту, когда я уже почти коснулась ковра, меня подхватили чьи-то руки...

Я открыла глаза. Меня поддерживал за спину фантастически красивый молодой человек с утонченным лицом аристократа. Черты лица – идеальные, взгляд – проникновенный, волосы так шикарно уложены, словно над ним трудился целый отряд парикмахеров. И безумно элегантная атласная пижама...

Вместо того, чтобы возрадоваться, я почему-то потеряла сознание окончательно.

И... проснулась.

За окном уже вовсю светило солнце. Служанка принесла чай и доложила, что ванна готова. Я встала, потянулась, пошарила ногой в поисках домашних туфель... Одна есть, а где вторая? Тут что-то не так! Огляделась. И не поняла: куда же пропала моя домашняя туфелька?

Туфелька обнаружилась рядом с моим секретером. На нем, поверх кучи бумаг, испачканных каракулями, лежал лист, на котором изящным почерком аристократа – с росчерками и завитками! - было выведено:

«Милостивая государыня Аполлинария Львовна! Имею сообщить вам, что в кабинете вашего покойного супруга находится потайной ход, который открывается неким тайным рычажком. К сожалению, я не знаю, где он находится и как работает. Именно через этот ход пришел и ушел убийца вашего мужа. И да, смею вас заверить, что это был не я.

С искренним почтением – ваш преданный друг А. Б. В.»

Я уставилась на эти инициалы. А. Б. В.... Seriously? Видимо, сей господин просто решил процитировать начало русского алфавита – лучшая стратегия, чтобы никто не догадался.

И что мне теперь делать с этой странной запиской?! Сообщить полицейскому инспектору, что ко мне во сне прилетают зверушки с крылышками, а еще являются красавцы в атласных пижамах, дабы сообщить ценную информацию?

Ардальон

В эту ночь я твердо решил быть осмотрительнее.

Вы спросите, как может сочетаться осмотрительность с маниакальной одержимостью, но смею вас заверить: может, да еще как. Практика показывает: чем безумнее цель, тем аккуратнее ты ее достигаешь.

Потому что не будешь осмотрительным – опять рискуешь оказаться в бочке с дождевой водой. А я не хочу. Больше. Никогда. Это, знаете ли, портит настроение и прическу.

А потому задался вопросом: мое превращение в летучую зверушку происходит под воздействием воды – или просто это вопрос времени? То есть, если я скажу «Луна, возлюбленная моя, я иду к тебе!» - проходит пара минут, и вот я уже летучий зверек – или без воды никак? Вода – типа катализатора в химической реакции? Надо проверить.

Я лег в постель – и твердо решил быть коварным и хитрым.

Луна, меж тем, расплескала за окном свой свет молочным океаном, луна шептала мне что-то нежное, возбуждающее... Знаете ли вы, что я чувствую в такие минуты? Примерно то же, что пылкий любовник, который впервые приближается к своей любимой в спальне и понимает сквозь сладостную дрожь, что он сейчас получит все, чего желал...

Я нервно облизнул губы. Я шагнул на подоконник, прошептал: «Луна, возлюбленная моя, я иду к тебе!» - но не сделал шаг вперед, а продолжал стоять на подоконнике неподвижно, как Ромео, который забыл текст. Будь луна и впрямь моей девушкой, она точно была бы в недоумении!

И вдруг я ощутил за спиной крылышки! Получилось! Без всяких купаний!

Я полетел, все выше и выше.

Вообще-то, сталкиваться диском луны, как в прошлый раз, я тоже не хотел. Чуть тогда в лепешку не разбился, да и кувыркаться в свободном падении - то еще удовольствие. Но крылья несли меня сами, страсть переполняла меня – короче, я был безумен, как кот под валерьянкой.

Перед диском я слегка притормозил, а подлетев к нему, просто оттолкнулся и спикировал вниз. И что вы думаете? Меня опять понесло к уже знакомому особняку!

Вот только окно кабинета было закрыто. Покружив вокруг здания, я обнаружил, что одно окно, на втором этаже, все-таки гостеприимно распахнуто, и влетел в него...

Это была спальня.

В ней стояла широкая кровать под балдахином. Под одеялом я увидел очертания женского тела. Подлетев поближе, я убедился, что все верно – это была моя милая Поленька. Она то ли спала, то ли просто лежала в полусне. На прелестном личике я заметил следы слез. Бедняжка. Легко ли ей –

потерять мужа, которого она, вероятно, любила – я помнил, как она звала его в ту роковую ночь, как плакала, прижимая к груди его руку! – да еще и быть обвиненной в его смерти. Ну, пусть не совсем обвиненной, но под подозрением – тоже ничего хорошего...

И тут я понял, что мой долг – сообщить ей о потайном ходе. Возможно, это снимет с нее подозрения.

Я огляделся, подлетел к небольшому изящному секретеру-бюро. В него было встроено зеркало, и в слабом свете свечи я впервые разглядел самого себя: лисенок с пушистыми ушками и крылышками... Ого! Да я просто звезда ночного неба! Пушистый, крылатый, с очаровательным взглядом - а что, я даже недурен, пожалуй!

Затем я вытащил лапками бумагу, заметил изящную чернильницу с пером...

И тут возникла проблема.

Мои лапки были совершенно не способны держать перо! А уж написать что-то оказалось и вовсе немислимой задачей. Я пыхтел, шебуршал бумагой, скреб пером, но написать что-то понятное – не получалось.

И тут я услышал легкие шаги и нервное дыхание.

Предо мною стояла Поленька – в батистовой ночной сорочке с кружевами, с воинственным видом, босиком и с тапком в руке.

- Эй ты, брысь! – вскричала моя душенька, и запустила в

меня тапком.

Серьезно? Ну кто ж так кидает? Сразу видно: никакой практики. Тапок пролетел мимо и шмякнулся об стену.

- Ты что там пишешь?! – крикнула она.

Скажу честно: чувство юмора меня посещает порой в самые неожиданные минуты, поэтому я не удержался от ответа:

- Тракта́т на тему «Как выжить в дамской спальне». Раздел «Тактика уклонения от тапков: теория и практика».

А дальше все произошло мгновенно. Видимо, летучий лисенок – еще полбеда, но говорящий летучий лисенок – это уж слишком для дамских нервов. Она пошатнулась и стала падать в обморок, медленно и грациозно. Я, как полагается джентльмену, кинулся ее подхватить, забыв, что крылатой зверушке это не под силу – но в ту же секунду понял, что я – мужчина, что я снова обрел свой собственный облик князя Ардальона Вельяминова. И - что я впервые сжимаю в объятиях самую прелестную и желанную женщину на свете...

Я отнес мою голубку на руках в кровать, укрыл одеялом, а затем подошел к бюро, и четким почерком написал записку о том, что в кабинете ее мужа существует потайной ход.

И что вы думаете? Как только я закончил писать и поставил под письмом свои инициалы – сон рассеялся как дым! Черт возьми, я проснулся в собственной постели! А ведь так хотелось задержаться в спальне милой Поленьки еще хоть ненадолго...

Но увы. Придется просыпаться и вершить дневные дела.

Выпивши кофе и покончив с легким завтраком, я спустился в комнаты к маменьке. Она сидела за туалетом.

- Шер маман, - так начал я после утренних приветствий, - вы тонкий знаток нашего общества, так скажите мне – кто в нем самая отъявленная сплетница? Или несколько сплетниц...

- С каких пор тебя волнуют сплетни? – отвечала она с легким удивлением.

- Да так, решил заняться на досуге небольшим расследованием, собираю информацию, - отвечал я.

- О ком? – брови ее взлетели.

Вопрос был не слишком приятен, но делать нечего – отступать было поздно. Я глубоко вдохнул, словно собирался нырять на глубину, и выпалил:

- О супруге покойного сахарозаводчика Уварова.

- Это которая урожденная Бежецкая, Аполлинария Львовна?

Ого. А я и не знал девичью фамилию мой прелестной Поленьки.

- Как вижу, ты о ней слышала?

Маман усмехнулась, и покачала головой.

- Трудно не слышать – весь город кипит, как раскаленный самовар. А впереди всех сплетниц несется мадам Мацкевич с криком «А я говорила, она плохо кончит!».

- А что, эта мадам так ненавидит госпожу Уварову? – уди-

вился я.

- Ну еще бы. Ты разве не слышал, что предшествовало замужеству мадемуазель Бежецкой?

Я отвечал недоуменным взглядом.

- Я ничего не слышал, маман – но продолжайте, пожалуйста.

Маменька пожала плечами, и на лице ее отразилось, пожалуй, недоумение.

- Она была окружена толпой поклонников. Что неудивительно, при ее красоте, несмотря на небольшое приданое – которое все же было, кстати. Не миллион, но и не пять копеек. У нее был один – как бишь его, запамятовала – поклонник, которого почти уже считали женихом... Но тут мадам Мацкевич внезапно заявила во всеуслышание такое, во что я, хоть убейте, поверить не могу...

- Итак?

- Что у Бежецкой, вообрази, роман с ее мужем! - маменька развела руками. – Оно конечно, такое бывает, роман с женатым, если тот красавец, остроумен, умеет ухаживать – но муж мадам Мацкевич, это же... это... пустое место, недоразумение какое-то! Лысоват, сутуловат, разговаривает тихонечко, как трусливая мышь... И чтобы яркая девушка, окруженная прекрасными молодыми людьми, вдруг предпочла им этого невзрачного человечка, которому уже сорок? Да это все равно, что... что... что выбрать вареную капусту вместо шоколадного торта!

Я выслушал маменьку, и целую минуту молчал – настолько я был поражен.

- Но, шер маман! – воскликнул я наконец, всплеснув руками. – Эта самая мадам Мацкевич... Она что – вообще не в курсе, как положено вести себя в благородном обществе? Кто, скажите на милость, говорит вслух о таких вещах? Жаловаться публично на неверность мужа! Да это же катастрофа! Скандал! Репутация ее семейства будет опозорена навеки, а портреты в фамильной галерее покраснеют от стыда!

Маменька лишь усмехнулась.

- Дорогой мой, вся беда именно в том, что никакого воспитания эта особа не получила. Боюсь, она даже не подозревает, что оно бывает – благородное ли, неблагородное или вообще какое-либо. Происхождение у нее, увы, самое что ни на есть крестьянское...

- Но как же?! – изумился я, - как она вообще оказалась в нашем кругу?

- А вот сейчас будет самое интересное, - маменька заговорщицки понизила голос. – Отец ее – простой крестьянин, по молодости лапти носил. Начинал, как водится, с короба – таскал по деревням всякие товары. Но – повезло, видимо – денжат накопил, в гильдию вступил, дело развернул, и – скоро ли, нет ли, но вот Родион Тряпкин уже не просто купец, а богатейший купчина во всей губернии! К тому моменту как дочь его Авдотья достигла брачного возраста, приданое у нее было такое, что все барышни завистливо вздыхали,

а кавалеры облизывались... но жениться никто не спешил.

- И что же пошло не так? – я затаил дыхание.

- Да почти все так, - вздохнула маменька. – Отпугивали благородных женихов только две вещи: во-первых, купеческое происхождение невесты, а во-вторых – манеры этой особы. Дремучие, как лес в глухомани. И понятия у нее такие же: она, например, искренне считает что запретных тем не существует, а правила приличия – это для слабых духом.

Я содрогнулся.

— И что дальше?

- А дальше – маменька сделала драматическую паузу, - нашелся один благородный род. Древний, знатный, но, увы – очень бедный. Долгов у них накопилось столько, что долговая яма им грозила очень сильно. Вот они и подсустились: предложили в женихи своего младшенького – тихого такого юношу, немножко не от мира сего – невзрачного, с кротким характером и полным отсутствием денег. С одним условием: папаша-купчина должен был оплатить все их долги. И не просто оплатить, а еще и приплатить сверху за честь породниться с древним родом.

Я молча сидел в кресле, пытаюсь осмыслить услышанное. В голове крутилась только одна мысль «Какой ужас! Эта вульгарная деревенщина напала на мою кроткую, нежную, беззащитную Поленьку!»

- Но, маменька, что же насчет мадемуазель Бежецкой? Возможно, клевета? – произнес я медленно, словно пробуя

слово на вкус. - Скажем, Мацкевич ее оклеветала - из зависти?

- Ну, зависть-то точно была, - маменька махнула рукой с таким видом, будто перечисляла очевидные вещи, вроде «вода – мокрая, а солнце светит». – При ее-то красоте! Немного было дам, которых при виде этой девочки-конфетки от зависти не коржило. Но тут больше: Мацкевич предъявила письма, якобы написанные ею ее мужу – и ее жених, который тоже видел письма, якобы подтвердил подлинность почерка.

Я снова содрогнулся. Бедная девочка! Каково юной малышке, еще не привыкшей к напору человеческой злобы, столкнуться с целым хором прожженных сплетников!

- И что было дальше?

- Ну, а дальше – от нее все отвернулись, жених и поклонники – и только немолодой господин Уваров, друг ее отца, не поверил в сплетни – или счел ситуацию несущественной, не знаю – и предложил ей руку и сердце. Она и согласилась.

Я откинулся на спинку кресла, пытаюсь осмыслить услышанное.

- То есть, получается, блестящие поклонники испарились, как туман поутру, а единственный кто остался – это тот, которого поначалу и не рассматривали всерьез?

- Именно так, - кивнула маменька с видом философа, раскрывшего тайну бытия. – Иногда тот, кого все считали «запасным вариантом», оказывается единственным настоящим

рыцарем. Правда в нашем случае этот рыцарь больше похож на добродушного дядюшку, который готов укутать пледом, налить чаю и сказать: «Не обращай внимания на этих крикунов – они просто завидуют твоей красоте».

- Но что вы думаете об этой странной истории с письмами, маман?

- Да уж не знаю, что и думать, - отвечала она, - чудеса в решете, да и только.

- Да уж, одно с другим не сходится, - пробормотал я, хмуря брови, - Предположить ли какую-то интригу? Заговор против невинной девочки? Но какова его цель, и почему этот заговор такой, - я замялся, подбирая слово, - такой нелепый? Словно придуман пятилетним ребенком?

- Я считаю, что тут либо гениальный план, настолько хитрый, что мы его не понимаем, - маменька подняла палец вверх, - либо настолько глупый, что стыдно за его автора. А судя по тому, что главная зачинщица – мадам Мацкевич, я склоняюсь ко второму варианту.

- Мне вот что непонятно, - молвил я задумчиво, - почему этой мадам Мацкевич никто не отказал от дома после всех этих выходов?

- Кто-то и отказал, - поморщилась маменька, - но, должна сказать, в нашей провинции так мало развлечений, а с мадам Мацкевич и бесплатного цирка не надо – поэтому большинство ее охотно принимают.

Я подумал и задал главный вопрос:

- Как ты думаешь, та старая история имеет какое-то отношение к убийству ее мужа?

- Не знаю, - отвечала маман, - может да, а может, и нет. Но сразу отклонять версию связи между этими событиями я бы не стала...

- Как будто все они хотели, чтобы эта девушка осталась незамужней, всеми отверженной, - пробормотал я задумчиво, - а когда нашелся-таки тот, кто на ней женился и сделал ее счастливой – его убили...

Я погрузился в раздумье. Надо заставить этих двоих – неугомонную мадам Мацкевич и ее скорбного разумом супруга – заговорить. Но как? Похоже, начинается настоящая охота за правдой!

- Маменька, - проговорил я задумчиво, но с умильно-подлизывательными интонациями, - вы же не бросите меня? Могу ли я рассчитывать на вашу помощь? Или мне уже начать репетировать скорбный монолог одинокого искателя истины?

Аполлинария

Кабинет мужа был опечатан. Опечатан так надежно, что даже таракан с отмычкой и дипломом инженера не смог бы туда пролезть.

Проникнуть туда и рассмотреть все, что там есть, в надежде обнаружить таинственный рычажок, было невозможно. Оставалось как-то связаться с судебным следователем, но что я ему скажу? Что я получила записку от человека, который мне приснился? Да он тут же вызовет бригаду санитаров из желтого дома.

Я позвонила в колокольчик.

- Дуняша, - обратилась я к горничной, вкрадчивым голоском, - не помнишь ли, у нас тут в приживалах был один старик, на кухне... помогал, чем мог, он уже старенький был...

- Это Лука, что ли, барыня? Так он же помер. Еще в прошлом году, на святки...

Я на мгновение замерла.

- Да-да, я помню. Он же тут еще и при прежних хозяевах дома служил?

- Ну да, Илья Константинович велели его не выгонять, сказал, пусть в тепле доживает. Барин покойный добрый были, - она вздохнула.

Мне стиснуло грудь. Сочетание имени мужа и слово «по-

койный» было невыносимо. Я до конца не могла поверить в происшедшее. Казалось, он вот-вот войдет в комнату, улыбнется и скажет: «Я – умер?! Ну что за глупости, Полиночка?»

Но жить надо дальше. А значит – искать потайные ходы и загадочные рычажки.

- А не припомнишь ли - Лука не говорил при тебе, что в кабинете барина был потайной ход какой-то? – спросила я коварно. – Потому что при мне он как-то обмолвился, а я и забыла тут же...

- Не помню, барыня, - удивилась Дуняша.

- Ну как же, - настаивала я, - ты тогда тоже рядом была... или я путаю? Неважно. Снеси записочку следователю...

Глядя ей вслед, я подумала, что Лука на том свете, надеюсь, не обидится, что его приплела к этой истории.

Когда следователь появился, я подскочила к нему с сияющими глазами:

- Знаете, я только нынче утром вспомнила – внезапно, совершенно внезапно! У нас тут жил один старик, ну, слуга старый, Лука, еще прежним хозяевам служил, так вот! Он мне как-то шепнул по секрету, что в кабинете есть потайной ход, представляете?! И не просто ход, а с механизмом, и открывается потайным рычажком, вот так – щелк! А я про это забыла, и только вот нынче вспомнила!

По лицу следователя было совершенно ясно, что он обо мне думает. Он считал меня пустоголовой свиристелкой, которая сама не знает, что болтает. Неважно. Главное – чтобы

следствие двигалось вперед.

- Ну вы же, надеюсь, посмотрите, где там рычажок? – подбодрила я его с энтузиазмом щенка, который нашел старую тапку и считает ее сокровищем.

- Сударыня, - отвечал он вежливо сквозь стиснутые зубы, - а вы точно уверены, что вам это не приснилось?

Ответить честно я ему не решилась. Что я ему скажу? – да, снилось! Тут, извольте видеть, по ночам у меня во снах шуруют летучие лисята и сообщают полезную информацию!

- Если я в чем и уверена - возразила я, – так в том, что я в опасности. Ведь если этот потайной ход и взаправду существует, то, получается, что я живу в доме, в котором входная дверь открыта нараспашку. Получается, что этот дом – вообще не дом, а проходной двор, это – какой-то вокзал с круглосуточным режимом работы! В него могут залезть и убийцы, и воры, и грабители, и кто угодно. Что толку, что входная дверь заперта? Убийцы просто скажут: «Ну, раз тут заперто, пойдем через потайной ход, так гораздо удобнее!». Я не знаю, кто и зачем убил моего мужа, но ведь они могут и меня убить! Может, я и в живых-то осталась потому, что меня в тот день не было дома, и убийца, убедившись, что меня нет, ушел... Я ведь не собиралась возвращаться, а вернулась, по сути, случайно... А если завтра вы придете и обнаружите мой труп, что тогда? Тогда это будет на вашей совести, вот!

- На моей совести? – произнес он тоном человека, у которого совесть давно сидит в углу на цепи и не смеет подать

голос.

- На вашей! Я... я... я стану призраком и буду вам являться в каждое полнолуние! – завершила я патетически.

Он дернул щекой и вышел, я посеменила за ним.

Дальнейшее было ужасно, ибо он обследовал кабинет с видом человека, которого лишили его законного послеобеденного сна. Ворчал так яростно, что казалось, сейчас из ушей пойдет дым:

- Вы, сударыня, заставили меня понапрасну сорвать опечатку с комнаты! Это вам не фантик от конфеты отодрать! А я был, между прочим, занят крайне важными делами!

Он пыхтел, фыркал и подхрюкивал – видимо, где-то глубоко внутри него жил обиженный поросенок.

И – внезапно – наступила тишина. Такая густая, что ее можно было намазать на хлеб вместо масла, нарезать ломтиками и подать к чаю.

И в этой тишине раздалось только удивленное:

- Хм...

А затем он за что-то дернул – и книжная полка отъехала в сторону, открывая довольно-таки широкий проход в какой-то темный коридорчик.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, словно внезапно проникся если не уважением ко мне, то мыслью, что со мной все же стоит считаться. Затем буркнул:

- Нужен фонарь...

Когда фонарь был принесен, он уже вел себя иначе. Из

раздраженного свинтуса он вдруг превратился в профессионала-ищейку: спина выпрямилась, взор стал острым, как у ястреба. Вынул из кармана револьвер. И жестом предостерег меня от того, чтобы я следовала за ним.

- Ждите здесь – я сам...

Вернулся он минут через десять, перепачканный пылью, и потребовал:

- Бумагу и карандаш! – а, получив желаемое, опять с фонарем убрался в темноту.

Еще минут через десять он вернулся окончательно, а на листе бумаги был нарисован след от мужского ботинка.

- Там свежие следы, - молвил он мрачно, - на вековой пыли они совершенно отчетливо видны. Судя по всему, там кто-то был – то есть, и впрямь, пару дней назад через тайный ход в кабинет вашего мужа заходили.

- А куда ведет этот ход?

- Пока не знаю, потому что я уперся в запертую дверь – запертую с другой стороны. Судя по всему, у преступника есть ключ от этой двери, а у нас нет. Выломаем дверь – узнаем.

- Выломаем? – растерянно переспросила я.

- А что вы предлагаете – вежливо постучать, в надежде, что нам откроют и предложат чаю? – осведомился он не без сарказма. И быстро вышел из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.